

и ответственность мира перед ним, человек сохраняет свои высшие возможности, свою истинную сущность, свой прекрасный облик. Если чувство единства с целым миром есть — значит, разрешение всех противоречий возможно.

Достоевский представляет нам людей в самых глубоких житейских и духовных падениях, в самых острых кризисах и страданиях. Он испытывает людей до конца. И все же человек остается человеком в полном смысле слова — и в это нельзя не верить, живя в художественном мире Достоевского.

Основную художественную идею писателя прекрасно выразил М. Бахтин в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» (М., 1963): «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди».

Именно поэтому творчество Федора Михайловича Достоевского при подлинно глубоком и объективном эстетическом восприятии его во все не оставляет — несмотря на все изображенные художником ужасы и кошмары — гнетущего и безысходного впечатления. Напротив, оно возвышает и очищает души людей, рождая в них ощущение величия и непобедимости человека.

Достоевский и Бахтин

<Фрагмент>

Готовя к новому изданию свою широко известную книгу о Достоевском, впервые вышедшую в свет в 1929 году, М. М. Бахтин намеревался весьма существенно доработать и дополнить ее. По разным причинам он успел реализовать свои замыслы лишь частично.

Но в архиве ученого сохранился план доработки книги, который включает в себя как проспекты новых разделов книги, так и готовые страницы этих разделов.

Имеет смысл обратить особое внимание на один исключительно важный момент. Книга М. М. Бахтина была, к сожалению, понята многими ее читателями и критиками как утверждение принципиального *релятивизма* художественного мира Достоевского. Поскольку каждый из основных героев Достоевского, выступающих со своей «правдой», согласно мысли М. М. Бахтина, равноправен не только по отношению к другим героям, но и по отношению к автору, в художественном мире

Достоевского вообще нет-де единой и высшей правды, все относительно, все равноправно.

Характерным примером может служить книга В. С. Библера «Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога)», вышедшая в 1975 году в издательстве политической литературы. И пожалуй, более всего огорчает тот факт, что в рецензии на эту книгу, опубликованной в журнале «Вопросы философии» (1976, № 4), М. С. Глазман и А. В. Ахутин как бы закрепляют это искаженное толкование концепции М. М. Бахтина: «Идея “диалогичности”, — утверждают эти авторы, — не нуждается в металогике, которая была бы выше спорящих логик».

Истолковывая таким образом общую идею исследования М. М. Бахтина, одни рецензенты (особенно зарубежные) воспринимали ее с восторженным одобрением, другие, напротив, сугубо критически. Между тем и эта хвала, и эта хула в одинаковой степени безосновательны. М. М. Бахтин отнюдь не считал, что художественный мир Достоевского имеет релятивистский характер. Он даже явно не склонен был предполагать, что его книгу можно истолковывать в подобном духе. Так, он с полной определенностью писал (почему-то это место книги «не замечают»): «Мы не видим никакой надобности особо говорить о том, что полифонический подход не имеет ничего общего с релятивизмом (как и с догматизмом). Нужно сказать, что и релятивизм и догматизм одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм). Полифония же как художественный метод вообще лежит в другой плоскости»*.

Теперь стало ясно, что «особо говорить» об этом все же стоило. Но М. М. Бахтина — это вполне понятно — гораздо больше беспокоило, что читатели могут не принять совершенно новую мысль о «равноправности» героев и автора у Достоевского. Подводя итоги анализа этой стороны дела, он писал в своей книге: «Такова относительная самостоятельность героев в пределах творческого замысла Достоевского. Здесь мы должны предупредить одно возможное недоразумение. Может показаться, что самостоятельность героя противоречит тому, что он <...> весь с начала до конца создан автором. Такого противоречия на самом деле нет. Свобода героев утверждается нами в пределах художественного замысла, и в этом смысле она так же создана, как и несвобода объективного героя <...>. Слово героя создано автором, но создано так, что оно до конца может развивать свою внутреннюю логику и самостоятельность как *чужое слово*, как слово *самого героя*».

---

* Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 93.

Итак, М. М. Бахтин стремился прежде всего обосновать «самостоятельность» и «свободу» героев Достоевского. Как это ни печально, многие читатели заметили только эту сторону дела и абсолютизировали ее. Между тем сразу же вслед за приведенным рассуждением недвусмысленно сказано, что слово героя «выпадает не из авторского замысла, а лишь из монологического кругозора автора».

Ко времени работы над обсуждаемым здесь планом М. М. Бахтин, очевидно, уже столкнулся с «недоразумением» противоположного характера — с восприятием его книги в релятивистском духе. Уже в самом начале обсуждаемой рукописи он подчеркивает: «Наша точка зрения вовсе не утверждает какую-то пассивность автора, который только монтирует чужие точки зрения, чужие правды, совершенно отказываясь от своей точки зрения, своей правды. Дело вовсе не в этом, а в совершенно новом, особом взаимоотношении между своей и чужой правдой. Автор глубоко *активен*, но его активность носит особый *диалогический* характер». Достоевский позволяет герою «самого себя осудить, самого себя опровергнуть».

Но, как говорится в другом месте, «смысл-сознание в его последней инстанции принадлежит автору и только ему. И этот смысл относится к бытию, а не к *другому* смыслу (чужому равноправному сознанию)». Здесь чрезвычайно существен тезис о том, что последний, конечный смысл художественного мира, созданного Достоевским, относится к *бытию*, а отнюдь не к «равноправным *сознаниям*» героев, которые представляют собою всего лишь отдельные субъективные порождения бытия.

Впрочем, не буду пересказывать весь ход мысли исследователя. Но необходимо осветить еще одну проблему — с внешней точки зрения терминологическую, но имеющую глубоко принципиальное значение. Определенным недостатком книги М. М. Бахтина является то, что термин «автор» употребляется в ней недифференцированно.

Иначе говоря, есть «реальный автор» и «автор» в каком-то ином смысле*. Можно, очевидно, определить этого последнего как «голос автора» в произведении (это вполне «бахтинский» термин). И в художественном мире Достоевского равноправен с героями именно *голос автора*, а отнюдь не сам *автор*, не Ф. М. Достоевский, который создал всех этих героев и которому всецело принадлежит смысл художественного

---

* В очень содержательной диссертации «Диалог в романе. Структура и функции» (защищена в Донецком государственном университете 22 апреля 1975 года) В. В. Федоров едва ли не впервые поставил эту проблему и предложил разграничение понятий «автор» и «повествователь». Но при этом возможна путаница с особым понятием «образ повествователя».

мира «в его последней инстанции» — смысл, соотносимый с *бытием*, а не с сознаниями героев.

В работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» М. М. Бахтин ясно раскрыл суть проблемы. Он четко и недвусмысленно указал на «разные смысловые плоскости, в которых лежат речи персонажей и авторская речь. Персонажи говорят как *участники* изображенной жизни... Автор *вне* изображенного мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и *качественно* иных позиций»...

Правда, оговаривает М. М. Бахтин, «плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними возможны диалогические отношения. У Достоевского, где персонажи-идеологи, автор и такие герои (мыслители-идеологи) оказываются в одной плоскости».

И все же «существенно различны диалогические контексты и ситуации речей персонажей и авторской речи. Речи персонажей участвуют в изображенных диалогах внутри произведения и непосредственно не входят в *реальный* идеологический диалог современности, в котором участвует и в котором осмысливается произведение в его целом... Между тем автор занимает позицию именно в этом реальном диалоге... В отличие от *реального автора*, созданный им “образ автора” (вот необходимо разграничение! Только в бахтинской системе понятий вернее было бы, как мне представляется, говорить о “голосе автора” в произведении. — В. К.) лишен непосредственного участия в реальном диалоге (он участвует в нем лишь через целое произведение)...

Речь изображающего (реального) автора — речь принципиально особого типа, не могущая лежать в одной плоскости с речью персонажей. Именно она определяет последнее единство произведения и его последнюю смысловую инстанцию, его, так сказать, *последнее слово*».

Итак, согласно точке зрения М. М. Бахтина, в художественном мире Достоевского, взятом в его глубоком и целостном существе, нет никакого релятивизма.

